

ДЕНИС ШАЛАГИНОВ*

SUMMA CONTRA CONNEXIONES:
НЕНАВИСТЬ К МИРУ И ДВОЙНАЯ ЖИЗНЬ**

РЕЦЕНЗИЯ НА НОВУЮ КНИГУ Э. КАЛПА О ДЕЛЁЗЕ

CULP A. DARK DELEUZE. — MINNEAPOLIS : UNIVERSITY OF MINNESOTA PRESS, 2016

В свое время Делёз заявил о том, что на смену описанным Фуко дисциплинарным обществам приходят общества контроля, в которых власть осуществляется не через изоляцию, а через постоянный контроль и коммуникацию (Делёз, Быстров, 2004: 222–223), и заметил, что Берроуз уже приступил к их анализу. Действительно, каждый читатель, знакомый с книгами американского автора, помнит о причудливом продукте его писательского воображения — «интерзоне», фикциональном пространстве, где все здания соединены друг с другом (Берроуз, Керви, 2010: 117). В сегодняшнем мире, где коннективность стала чем-то вроде мантры, мы можем смело констатировать, что делёзианский диагноз оказался верным — фантазия Берроуза воплотилась в жизнь. Примечательно, однако, что Делёз не акцентировал внимание на том, что динамика постоянного процесса модуляции, посредством которого осуществляется контроль, обладает сходствами с его же собственным (разработанным совместно с Гваттари) освободительным проектом (Noys, 2010: 71)¹, в рамках которого мы имеем дело с силами вариации, изменения, ускользания. Критика капитализма 60–80-х гг. была благополучно усвоена самим капитализмом; здесь как нельзя кстати приходится шутка о том, что коммунист — это тот, кто читает «Капитал», а капиталист — тот, кто не просто читает, но и понимает его. Делёзианская риторика номадизма все еще сохраняет освободительный «привкус», но на практике стремление

*Шалагинов Денис Сергеевич, аспирант, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва), determinisation@yandex.ru.

**© Шалагинов, Д. С. © Философия. Журнал Высшей школы экономики.

¹Остроумное замечание Регева: «Вот уже больше тридцати лет как основой успеха всякого офисного менеджера является способность быть реалистом и требовать невозможного, а „Тысяча плато“ превращается в базисную модель бизнес-плана» (Реgev, 2016: 116).

к автономии и ненормированному рабочему графику легко оборачивается «самопрекаризацией» (Гилен, Табенкин, 2015: 134). Примечательно здесь то, что Делёз является теоретиком, обильно цитируемым как сторонниками неolibерализма, так и его критиками. В этом смысле не отрефлексированный самим французским философом разрыв между собственными идеями 70–80-х и критикой коммуникации и контроля, развитой в поздних работах, представляется весьма значимым. В книге «Что такое философия?» (1991) Делёз и Гваттари рисуют красочный портрет капиталиста, эдакого «современного Улисса, у которого вместо восприятий — клише, а вместо переживаний — фирменные марки» (Делёз и Гваттари, Зенкин, 2009: 173), жителя мира «коммуникации, ставшей маркетингом, от которого не скрыться даже и Сезанну с Ван Гогом» (там же). Но в той же самой работе можно обнаружить заявление о том, что «взаимодействие становится коммуникацией» (там же: 178), — это вполне очевидным образом отсылает нас к бергсонистскому пониманию реальности как всеобщего взаимодействия (Бергсон, Флёрова, 2015: 17). Ризоматический мотив «наращивания новых соединений» (Делёз и Гваттари, Свирский, 2010: 14), во многом инспирированный именно идеями Бергсона, вырождается в некритичное восхваление коннективности, доходящее до апогея в квазипрофетическом «обещании»: «Мир унаследуют взаимосвязанные» (Цукерман, Симановский, 2015: 277). Однако если «взаимосвязанность» — неотъемлемая черта сегодняшнего мира глобализованного капитализма², то в этом «пророчестве» чувствуется не обещание «пришествия нового народа» (Делёз и Гваттари, Зенкин, 2009: 128), а привкус приговора к вечному настоящему, сопротивляться которому и призвана философия (там же). Именно эту задачу ставит перед собой Эндрю Калп в книге под названием «Темный Делёз». Эту небольшую работу, опубликованную в 2016 г., можно смело назвать «антиконнективистским манифестом», — сам автор обозначает ее как пролегомены ко всякой будущей делёзианской теории негативности.

Описание Делёзом своего метода интерпретации текстов как подкрадывания к автору сзади с целью зачатия ребенка, который был бы монстром (Делёз, Быстров, 2004: 17), среди делёзианцев давно стало трюизмом. Цель Калпа состоит в том, чтобы подарить самому Делёзу

²На что в свое время указали Болтански и Кьяпелло, которые, что немаловажно, акцентировали внимание на непосредственной связи сетевых концепций с «передислокацией капитализма», который рекуперировал сетевую конфигурацию, возникшую в результате независимых философских исследований, к числу которых относится и теория Делёза и Гваттари (Болтански и Кьяпелло, Фокин, 2011: 755).

новое дитя, имя которого вынесено в заглавие книги. Один из базовых мотивов этого предприятия заключается в обнаружении и активации в творчестве французского философа «революционной силы негативности» (Culr, 2016: 2), без которой, по мнению автора, Делёз рискует стать нищенским ослом, который говорит «да» лишь потому, что не способен сказать «нет». В этом смысле «Темный Делёз» позволяет дать несколько неожиданный ответ на вопрос Грега Ламберта о том, кому следует бояться Делёза и Гваттари (Lambert, 2006): исходя из предложенной в работе интерпретации, это должны быть сами делёзианцы, а точнее — представители так называемого «канона радости», в рамках которого Делёз позиционируется не иначе как «аффирмативистский мыслитель коннективности» (Culr, 2016: 2). Именно этому толкованию Калп и бросает вызов. С точки зрения исследователя, свет является инстанцией «коннективизма», так как отсылает к аффирмативистской мечте об абсолютной прозрачности. Под «коннективизмом» понимается организационная логика, ориентированная на интеграцию разнородных элементов в единую сетевую систему. Подобная логика отсылает не только к теоретическим выкладкам современных философов, занимающихся описанием сетей, ассамбляжей, ризом, диспозитивов и т. д., но и, например, к геополитической стратегии *Google*, нацеленной на глобальное влияние. Подобный взаимосвязанный мир абсолютной прозрачности и децентрализованного контроля в рамках разрабатываемого Калпом «темного контрканона» объявляется врагом № 1, а разрушение такого мира исследователь рассматривает как один из программных моментов трехчастного «проекта революционной негативности» ([1] смерть бога, [2] смерть человека, [3] смерть мира). Второй — после «коннективизма» — мишенью «Темного Делёза» становится «продуктивизм», ключевыми характеристиками которого являются накопление и воспроизводство: собственно говоря, под «продуктивизмом» понимается позиция, которая сводит производство к воспроизводству и, таким образом, препятствует «созданию будущего времени» (А. Платонов). Итак, вместо того, чтобы ценить силы, (вос)производящие мир, «Темный Делёз», следуя лозунгу «Разрушай, разрушая!», возвещает о насущной необходимости его уничтожения, что требует культивации ненависти к миру.

Попытка «деструктивного» прочтения делёзианских текстов, представленная в книге, вторгающейся на территорию «апокалиптической научной фантастики», предполагает, как уже было сказано выше, «вписывание» негативности в философию Делёза: здесь Калп обращает внимание на то, что следы негативности, которую сам французский

философ — вслед за Бергсоном — считал ложной идеей, «утверждением второй степени» (Бергсон, Флёрва, 2015: 208), и предпочел заменить негативное на проблематическое (Делёз, Свирский, 2001: 233–237), можно обнаружить, например, в префиксах некоторых делёзианских концептов (яркий пример — *детерриториализация*). По мнению Калпа, практический смысл негативности состоит как минимум в том, чтобы сказать «нет» тем, кто предлагает нам принять мир таким, каков он есть.

Надо признать, что «Темный Делёз» отнюдь не является первой попыткой «негативного» толкования творчества французского философа. Здесь необходимо упомянуть работы Бенджамина Нойза (Noys, 2010: 51–79; Нойз, Кулаев и Ермошина, 2013), который говорит о «дикой негативности» в философии Делёза, а также статью Дэниела Барбера «Создание не-бытия» (Barber, 2016), где автор, анализируя делёзианские идеи, заявляет о том, что если все действия реальны, а реальность лишена негативной «изнанки» в виде небытия, это отнюдь не означает нереальности отрицательного действия³. Таким образом, можно смело констатировать возникновение «негативной» тенденции в толковании делёзианских текстов, которая дополняется курсом на реполитизацию творчества французского философа⁴. Последователи Делёза, которые развивают его идеи в русле утвердительной метафизики различия, подвергаются критике потому, что они оказываются не в состоянии предложить позитивную концепцию отчуждения, эксплуатации и социальной смерти. В этом смысле аффирмативизм проигрывает марксистской теории эксплуатации, согласно которой один класс систематически извлекает прибыль за счет способностей другого.

Ключевой изъян воспеваемой аффирмативистами радости состоит в том, что она предполагает терпимость, которая становится барьером на пути к изменению условий существования. И здесь Калп обращается к мотивам «сопротивления рабству, сопротивления нестерпимому» (Делёз и Гваттари, Зенкин, 2009: 128), в котором, по мнению исследователя, заключается темная правда настоящего — настолько невыносимого, что оно должно быть разрушено. Отказ от «любви» в пользу «ненависти

³И Калп, и Нойз, и Барбер уделяют много внимания проблемам коммуникации и контроля.

⁴Впрочем, вопреки интерпретациям Бадью и Жижика, которые постарались отделить Делёза от Гваттари и представить первого в качестве философа становления и события, политическое измерение делёзианства отнюдь не обделено вниманием. В частности, см.: Garo, 2008; Patton, 2005.

к миру»⁵ содержит в себе дополнительный аспект, связанный с ресентиментом: Калп вспоминает о христианской любви, которая отнюдь не является спасением от морального суждения и возводит в культ аскетический идеал. Отказ от фетишизации «радости» и «любви» означает конфронтацию не только с последователями Делёза из метафизического аффирмативистского лагеря, но и с некоторыми представителями постопераизма — в первую очередь, с Антонио Негри и Майклом Хардтом, которые, конечно же, стремятся изъять «любовь» из аскетического контекста и предпочитают говорить о товариществе как «политической форме любви».

В одной из своих работ Хардт замечает: «Это любовь, неразрывно связанная с созиданием нашей истории, которая разрушает всякие разделения между внутренним и внешним, включенным и исключенным» (Хардт, Медведев, 2017: 282). На мой взгляд, первое, что бросается в глаза в этом определении, — стирание границы между внутренним и внешним, которое является характерной чертой коннективистской позиции, предельное выражение которой мы можем обнаружить в полицейском культе предельной прозрачности: базовый инструмент контроля — всеобщая связь. Второй момент, на котором здесь стоило бы остановиться, состоит в том, что созидание (истории), как базовое определение любви, все-таки дополняется разрушением (разделения), поэтому вопрос о том, насколько успешна постопераистская попытка «сбросить негативность с парохода современности», остается открытым⁶.

Следует заметить, что именно этот постопераистский тандем предлагает теоретическую программу, которая может позиционироваться как почти идеальная мишень для критики, представленной в «Темном Делёзе», поскольку на страницах работ Хардта и Негри мы встречаемся не только с коннективистскими и продуктивистскими мотивами, но и с разоблачаемым Калпом культом креативности. Постулат о том, что блага заслуживает лишь тот, кто подходит ко всему конструктивно, оказывается предельно далеким от марксистской «критики всего

⁵ Следует заметить, что выбор в пользу «ненависти» не вполне согласуется с некоторыми утверждениями Делёза, например: «Ненависть и Раскаяние — вот два главных врага человеческого рода» (Делёз, Свирский, 2001: 335).

⁶ Лично мне она представляется неудачной: воспевание порождающей силы отнюдь не мешает Негри и Хардту говорить о «воле быть против» и разрушении имперских препятствий критическими способностями труда (Хардт и Негри, Данилин и др., 2004: 204, 333).

существующего» во времена, когда рекламщики могут считаться самыми креативными существами на Земле. Культ креативности проник даже в модель взаимодействия позднекапиталистического управленца с сотрудником: «Так, хороший руководитель с накоплением опыта управления научается оказывать ненавязчивые, но уместные, пробуждающие воздействия на своих сотрудников, стимулирующие их к творчеству, самореализации, раскрытию их потаенного внутреннего потенциала» (Князева, 2006). Здесь вполне очевидна прямая связь коннективности, продуктивности и креативности. В данном контексте становится как никогда более актуальным высказывание Делёза о том, что «репрессивные силы не препятствуют самовыражению людей, они, напротив, побуждают их к этому» (Делёз, Быстров, 2004: 169). Способность к производству новых идей, креативность, воображение, изобретательность, оригинальность — все эти качества высоко ценятся бизнесменами, которые видят в них коммерческий потенциал (Гилен, Табенкин, 2015: 9). Поэтому вполне очевидно, что у ставки на креативность — «двойное дно»: с одной стороны, воображение есть способность к моделированию альтернативного мира, способность, которая напрямую связана с пониманием «актуальной сборки» как контингентной и в этом смысле противостоит неолиберальной «реалистической» идеологии; с другой стороны, креативность — это «истинный капитал» (Дюв, Шестаков, 2016: 27): идея Йозефа Бойса о том, что каждый человек — это художник, остается достаточно поверхностной и наивной, так как допускает возможность «уравнения художественных и экономических смыслов».

Вопрос о креативности, на мой взгляд, предполагает разделение, которое я бы условно обозначил как разведение «креативного» и «творческого»: если первое предполагает декорирование имеющей место «системы координат», то второе — изобретение альтернативной. Схожую мысль высказывает Барбер, который понимает творчество как разрыв с «данным в настоящем миром» (Barber, 2016). В этом смысле ненависть к миру и призыв к его разрушению становятся более обоснованными, поскольку семантика «мира», о котором идет речь, должна быть сужена до перманентно воспроизводящейся реальности позднекапиталистического настоящего, в котором будущее, понимаемое как разрыв с настоящим, никогда не наступает, а сама несоизмеримость между настоящим и будущим остается неосмысленной. Исходя из сказанного выше можно сделать вывод о том, что аффирмация не способствует, а, напротив, препятствует конструированию будущего. В свое время

Делёз и Гваттари предложили уравнение: «творить — значит сопротивляться» (Делёз и Гваттари, Зенкин, 2009: 129), — но, по замечанию Калпа, Делёзу были бы отвратительны сегодняшние аватары креативности. Поэтому делёзианцам необходимо, во-первых, переосмыслить саму идею творчества и, во-вторых, перестать воспринимать последнее как сугубо освободительную практику.

Кроме утвердительной метафизики различия, «темный контрканон» Калпа противостоит последователям Делёза из так называемого «неоматериалистического» лагеря — в первую очередь, Мануэлю Деланда, рассматривающему мир как состоящий из ассамбляжей, каждый из которых обладает индивидуальностью. Допуская, что в техническом отношении подобные идеи могут быть верны, Калп полагает, что они ведут к «униформизации разнообразия», и замечает, что моделирование ассамбляжей подозрительно напоминает логику капитализма, который производит субъективность так же, как шампунь или автомобиль⁷. Другим актуальным философским течением, которому противостоит «Темный Делёз», является акселерационизм (Culp, 2016: 44–48). Последний обвиняется в неспособности прочертить линию к внешнему. Вместо акселерационистской ставки на ускорение и технологии как трамплин в будущее (Williams and Srnicek, 2014) Калп предпочитает отстаивать позицию «революционного побега», которая кажется весьма созвучной с постопераистским «исходом», — разница заключается в том, что «побег» претендует на прорыв к посткапиталистическому внешнему. Здесь Калп напоминает, что идея «линии ускользания» уходит корнями в ницшеанскую интуицию, которая состояла в том, что вещь не может полностью зависеть от контекста своего возникновения, поэтому мы вольны покинуть места своего происхождения — прочертить линию к внешнему и тем самым остановить воспроизводство настоящего. Таким образом, мир сам производит силы своего разрушения. Наша задача заключается в том, чтобы помочь ему в этом и, конечно же, смело принять (его) смерть, — здесь «Темный Делёз» обретает осязаемое сходство с текстами Бодрийяра, полагавшего, что «жизнь существует лишь при вторжении в нее смерти» (Бодрийяр, Зенкин, 2011: 277), и также жаждавшего разрушения мира — однако оговаривавшегося: «полный коллапс и обвал [...] остается нашей самой несбыточной

⁷Калп обыгрывает пассаж из «Анти-Эдипа»: «Наше общество производит шизофреников так же, как шампунь Дор или автомобили Renault, с тем единственным различием, что шизофреников нельзя продать» (Делёз и Гваттари, Кралечкин, 2008: 387).

надеждой» (Бодрийяр, Качалов, 2015: 206). Вероятно, именно для того, чтобы апокалиптическая мечта Бодрийяра все-таки сбылась, Калп разрабатывает свою модель «конспиративного коммунизма».

На протяжении всей книги «конспиративный коммунизм» получает крайне размытые «определения», которые демонстрируют риторические способности автора, но почти не проливают свет на суть предлагаемой модели⁸: в частности, эта модель проясняется через обращение к идее заговора, цель которого состоит в разрушении фабрики производства; «конспиративный коммунизм» характеризуется как «машина войны», которая превращает процесс самовоспроизводства реального в орудие разрушения любого проекта, основанного на метафизической связности» (Culpr, 2016: 43). Нельзя сказать, что это определение автоматически все проясняет, однако оно помогает понять, что модель «конспиративного коммунизма» — который, как патетически «обещает» своему читателю Калп, должен поглотить плоть и кровь мира, — явным образом отсылает к концепту «машины войны». Эта машина, как мы помним из «Трактата о номадологии», является внешней по отношению к аппарату государства и препятствует его возникновению, представляет собой «что-то вроде чистого, лишённого меры множества, стаи», заключает в себе «мощь метаморфозы», изобретает скорость и тайну; наиболее полно реализуется в варварских сборках номадов и в бандах, «члены которых собираются ради совместных грабежей, а после раздела добычи разбегаются, чтобы по отдельности спать и питаться» (Делёз и Гваттари, Свирский, 2010: 587, 598, 589, 592, 600, 599). Несложно догадаться, что ключевыми для моделирования «конспиративного коммунизма» характеристиками машины войны являются ее горизонтальная⁹ организация и, конечно же, тайна, которую несут в себе ее компоненты, питаясь, думая и т. д. по отдельности от остальных. Последнее особенно значимо: «воин» остается «публичным» лишь наполовину, лишь постольку, поскольку участвует в общих набегах, но при этом он противится дисциплинарным воздействиям и никогда не может быть отождествлен с большинством. Если быть «воином-номадом» означает не относиться к большинству, это неизбежно ведет к конфронтации воина с демократией, ведь «демократия — это большинство, а становление по природе своей

⁸Впрочем, надо признать, что здесь Калп в своем предпочтении тьмы свету оказывается более чем последователен.

⁹Конкретнее — ризоматическая, и это вносит некоторую рассогласованность в анти-коннективистскую позицию Калпа.

есть именно то, что вычитается из большинства» (Делёз и Гваттари, Зенкин, 2009: 126); такая конфронтация вполне согласуется с отмеченным выше трансформативным потенциалом машины войны. Таким образом, становятся более или менее ясными основания для критики демократии и предпочтения ей подобного «коммунизма», контуры которого, впрочем, остаются не вполне определенными. Лишь в последнем абзаце текста читателю предложено некое подобие объяснения. Заговор против мира направлен против всего, что обладает определенным местом: тайна сигнализирует о «факте», состоящем в том, что ничто не является тем, чем кажется; она не отсылает ни к невыразимому, ни к возвышенному, ни к эзотерическому, ни к мистическому, но является фундаментом антиконнективистской практики селективного включения. В этом смысле «конспиратор» — полная противоположность «прократистинатора», который отказывается от фильтрации соединений, ловя коннективистский принцип «сколько подключений, столько реальности» на слове (Регев, 2016: 121). Что может означать «конспиративный коммунизм» на практике? Ответ прост: двойную жизнь. Одна сторона полностью погружена в компромиссы с настоящим, в то время как другая занята выстраиванием маршрута «революционного побега» из него. Здесь возникает вопрос: является ли «конспиративный народ» еще не существующим? И этот вопрос представляется мне особенно важным.

В своей работе Калш обращается к широкому спектру кинематографических источников¹⁰, но обходит вниманием тот, что наиболее близок его модели «конспиративного коммунизма», — «Бойцовский клуб» (1999). Экранизация романа Чака Паланика (Паланик, Кормильцев, 2016) интересна как минимум тем, что в ней предлагается красочная иллюстрация машины войны в действии (проект «Разгром») и яркий «портрет» двойной жизни, которой живет Тайлер Дёрден: днем япши, ночью — революционер, «собирающий» собственную машину войны для того, чтобы разрушить потребительский мир позднего капитализма. Можно сколько угодно критиковать «Бойцовский клуб» за апологию насилия, мизогинию, квазифашистские настроения, etc., etc., однако это произведение позволяет нам обратить внимание на чаяния увязшего в компромиссах с настоящим добропорядочного гражданина: да, днем я такой же, как и все, но у меня есть темная изнанка. В этом

¹⁰ «Метрополис» (1927), «Заводной апельсин» (1971), «Видеодром» (1982), «Угрюмый» (1998), «Антихрист» (2009), «Наш день придет» (2010).

смысле Тайлер Дёрден — некая революционная, анархо-примитивистская вариация на тему инфантильного законопослушного Кларка Кента (симптоматично, что все супергерои живут двойной жизнью).

Мой тезис состоит в том, что двойная жизнь отражает две стороны капиталистического реализма. Этот термин Марка Фишера означает «нечто вроде повсюду проникающей атмосферы, обуславливающей не только культурное производство, но и регуляцию труда и образования, действующей в качестве некоей невидимой преграды, блокирующей мысль и действие» (Фишер, Кралечкин, 2010: 37), иначе говоря — паралич политического воображения. Идея Фишера особенно важна в контексте рассуждения о книге Калпа потому, что «капиталистический реализм» непосредственно отсылает к приписываемому Фредрику Джеймисону высказыванию о том, что легче вообразить конец света, чем конец капитализма, который, согласно Регеву, делится на два: мир страха и конкуренции дополняется миром бесконечных приключений — оба аспекта соотнесены друг с другом в рамках общей диалектики капитализма (Реgev, 2016: 118). Мир приключений — даже если эти приключения сводятся к разработке «конспиративными коммунистами» плана разрушения мира, — отнюдь не является противоположностью капиталистического реального, но всего лишь одним из двух его аспектов. Более того, жажда апокалипсиса, которой проникнута работа Калпа, сигнализирует именно о параличе воображения: легче представить конец света, чем конец капитализма. Таким образом, «Темный Делёз» не предлагает хоть сколько-нибудь четких контуров будущего, а «конспиративный коммунизм» является, скорее, диагнозом раздвоенного капиталистического настоящего. Жаждавший крушения мира Тайлер Дёрден мог четко представить тот мир, который должен прийти на смену существующему¹¹. Эндрю Калп не может похвастаться тем же, но, как мы знаем, отрицание настоящего во имя непостижимого будущего является симптомом «детской болезни левизны» (Иглтон, Кушнарера, 2012: 38). Недостаточно противопоставить утопию дистопии; необходимо, не впадая в антиутопическую иронию¹², обнаружить в настоящем силы его

¹¹В знаменитом эпизоде фильма персонаж заявляет: «В мире, который мне видится, ты охотишься на лосей в пропитанных влагой лесах, окружающих руины Рокфеллер-центра. На тебе одежда из шкур — одна до конца жизни. Ты взбираешься на верхушку небоскреба „Сирс-Тауэр“ — и видишь оттуда крохотные фигурки людей, которые молотят зерно и раскладывают узкие полоски мяса по заброшенной скоростной автомагистрали».

¹²По мнению Берарди, антиутопическая ирония является языком автономии (Берарди, Диунов, 2016: 310–313).

преобразования. Если «конспиративный коммунизм» — всего лишь очередной вариант «бегства в поисках оружия» (к этой формуле Джорджа Джексона прибегают как Калп, так и Барбер), следовало бы говорить скорее о «коммунизации» (Communization..., 2011): это, по меньшей мере, позволило бы избавиться от «эсхатологической» фантазии об апокалипсисе¹³, которая, во-первых, несет на себе печать телеологизма; во-вторых, сигнализирует о «реалистическом» параличе воображения; в-третьих, может с легкостью привести к дисквалификации теоретической модели за проявление «детской болезни левизны».

Конечно, следует заметить, что недостатки книги Эндрю Калпа во многом связаны с ее небольшим объемом, поэтому ее действительно следует воспринимать как пролегомены — стимул к размышлению и диалогу. Однако, возвращаясь к «Бойцовскому клубу», хотелось бы заметить, что революция — это не только опиум для интеллектуалов, но и ходовой рыночный товар. С некоторой долей иронии можно сказать, что в капиталистическом реальном все становится возможным¹⁴, ведь если само дерево Будды превращается в ризому, ничто не мешает даже прокрастинатору стать революционером, — невозможным остается лишь представление альтернативы. Сокращение капиталистического «творческого разрушения» до собственно «разрушения» вряд ли способно решить эту проблему.

Прежде философы лишь просвещали мир — задача же, по мнению автора «Темного Делёза», заключается в затемнении. Однако приходится признать, что «цвет» философского предприятия Калпа отнюдь не является беспрецедентным — достаточно вспомнить о темном материализме (Dark Materialism, 2011), темном витализме (Вудард, Хамис, 2016), темном постгуманизме (Roden, 2016) и, конечно же, темном просвещении (Land, 2017). В этом смысле вопрос о том, какому настоящему

¹³ Впрочем, здесь необходимо указать на причудливое соседство «утопии» и «апокалипсиса», которые в разных контекстах отсылают к концепту «абсолютной детерриториализации»: «тело без органов — это детерриторизованный социус, пустыня, по которой текут раскодированные потоки желания, конец мира, апокалипсис» (Делёз и Гваттари, Кралечкин, 2008: 278); «Утопия неотделима от бесконечного движения: этимологически это слово обозначает абсолютную детерриториализацию...» (Делёз и Гваттари, Зенкин, 2009: 115). В этом смысле между «шизофренией» и «утопией» можно поставить знак равенства, ведь под шизофренией (как и под «утопией») в данном случае понимается не состояние, а процесс. О шизофрении как изначальном потоке см.: Джеймисон, Аронсон и др., 2014: 256–257.

¹⁴ «...в реальном возможно все, все становится возможным» (Делёз и Гваттари, Кралечкин, 2008: 51).

сопротивляется книга, остается открытым. Темнота вошла в моду. С тем большим вниманием следует относиться к предупреждению Калпа: никогда не верьте, что ее — темноты — достаточно для нашего спасения¹⁵.

ЛИТЕРАТУРА

- Берарди Ф. Б.* Новые герои: массовые убийцы и самоубийцы / пер. с англ. М. Ю. Диунова. — М. : Кучково поле, 2016.
- Бергсон А.* Творческая эволюция / пер. с фр. В. А. Флёровой. — М. : Академический проект, 2015.
- Берроуз У. С.* Письма Яхе / пер. с англ. А. Керви. — М. : АСТ: Астрель, 2010.
- Бодрийяр Ж.* Символический обмен и смерть / пер. с фр. С. Н. Зенкина. — М. : Добросвет, 2011.
- Бодрийяр Ж.* Симулякры и симуляции / пер. с фр. А. А. Качалова. — М. : Постум, 2015.
- Болтански Л., Кьяпелло Э.* Новый дух капитализма / пер. с фр. С. Л. Фокина. — М. : Новое литературное обозрение, 2011.
- Вудард Б.* Динамика слизи. Зарождение, мутация и ползучесть жизни / пер. с англ. Д. Хамис. — Пермь : Гиле Пресс, 2016.
- Гилен П.* Бормотание художественного множества. Глобальное искусство, политика и постфордизм / пер. с англ. М. Л. Табенкина. — М. : Ad Marginem, 2015.
- Делёз Ж.* Эмпиризм и субъективность: опыт о человеческой природе по Юму. Критическая философия Канта: учение о способностях. Бергсонизм. Спиноза / пер. с фр. Я. И. Свирского. — М. : Пер Сэ, 2001.
- Делёз Ж.* Переговоры / пер. с фр. В. Ю. Быстрова. — СПб. : Наука, 2004.
- Делёз Ж., Гваттари Ф.* Анти-Эдип: капитализм и шизофрения / пер. с фр. Д. Ю. Кралечкина. — Екатеринбург : У-Фактория, 2008.
- Делёз Ж., Гваттари Ф.* Что такое философия? / пер. с фр. С. Н. Зенкина. — М. : Академический проект, 2009.
- Делёз Ж., Гваттари Ф.* Тысяча плато: капитализм и шизофрения / пер. с фр. Я. И. Свирского. — Екатеринбург, М. : У-Фактория, Астрель, 2010.
- Джеймисон Ф.* Марксизм и интерпретация культуры / пер. с англ. О. Аронсона [и др.]. — Москва, Екатеринбург : Кабинетный ученый, 2014.
- Дюв Т. де.* Невольники Маркса: Бойс, Уорхол, Кляйн, Дюшан / пер. с фр. А. В. Шестакова. — М. : Ad Marginem, 2016.
- Иглтон Т.* Идея культуры / пер. с англ. И. М. Кушнаревой. — М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2012.
- Князева Е. Н.* Эпистемологический конструктивизм // Философия науки. — 2006. — Вып. 12. — С. 133–152.

¹⁵Парафраз известного лозунга: «Никогда не верьте, что для нашего спасения достаточно гладкого пространства» (Делёз и Гваттари, Свирский, 2010: 851).

- Нойз Б.* Рециркуляция негативности: теория, литература и неудачи утверждения / пер. с англ. М. Кулаева, К. Ермошиной // *Stasis*. — 2013. — № 1. — С. 156–173.
- Паланик Ч.* Бойцовский клуб / пер. с англ. И. В. Кормильцева. — М. : АСТ, 2016.
- Регев Й.* Невозможное и совпадение: о революционной ситуации в философии. — Пермь : Гиле Пресс, 2016.
- Фишер М.* Капиталистический реализм / пер. с англ. Д. Ю. Кралечкина. — Ультракультура 2.0, 2010.
- Хардт М.* Пазолини находит любовь в зоне исключенности / пер. с англ. К. Ф. Медведева // *Новая молодежь* / П. П. Пазолини ; пер. Д. Пилаша [и др.]. — М. : СвобМарксИзд, 2017. — С. 275–282.
- Хардт М., Негри А.* Империя / пер. с англ. О. Данилина [и др.]. — М. : Праксис, 2004.
- Цукерман Э.* Новые соединения. Цифровые космополиты в коммуникативную эпоху / пер. с англ. Д. Л. Симановского. — М. : Ad Marginem, 2015.
- Barber D. C.* The Creation of Non-Being // *Rhizomes: Cultural Studies in Emerging Knowledge*. — 2016. — Issue 29.
- Communication and its Discontents: Contestation, Critique, and Contemporary Struggles* / ed. by B. Noys. — Wivenhoe, New York, Port Watson : Minor Compositions, 2011.
- Culp A.* Dark Deleuze. — Minneapolis : University of Minnesota Press, 2016.
- Dark Materialism*. — Jan. 12, 2011. — URL: <http://fass.kingston.ac.uk/downloads/conference-dark-materialism-programme.pdf> (visited on July 16, 2017) ; The Programme of the Conference Held at Faculty of Arts and Social Sciences, Kingston University, London.
- Garó I.* Deleuze, Marx and Revolution: What It Means to “Remain Marxist” // *Critical Companion to Contemporary Marxism*. — Leiden, Boston : Brill, 2008. — P. 605–624.
- Lambert G.* Who’s Afraid of Deleuze and Guattari? — London : Continuum, 2006.
- Land N.* The Dark Enlightenment. — URL: <http://www.thedarkenlightenment.com/the-dark-enlightenment-by-nick-land/> (visited on July 16, 2017) ; blog.
- Noys B.* The Persistence of the Negative. A Critique of Contemporary Continental Theory. — Edinburgh : Edinburgh University Press, 2010.
- Patton P.* Deleuze and Democratic Politics // *Radical Democracy: Politics Between Abundance and Lack*. — Manchester : Manchester University Press, 2005. — P. 50–67.
- Roden D.* Dark Posthumanism. — 2016. — URL: https://www.researchgate.net/publication/303338511_Dark_Posthumanism (visited on July 16, 2017) ; Paper presented at the Questioning Aesthetics Symposium, Dublin, May 2016.
- Williams A., Srnicek N.* #Accelerate: Manifesto for an Accelerationist Politics // #Accelerate. The Accelerationist Reader. — Urbanomic, 2014. — P. 347–362.

Shalaginov, D.S. 2017. "Summa contra connexiones: nenavist' k miru i dvoynaya zhizn' [Summa contra Connexiones. Hatred toward the World, and Double Life]: retsenziya na novuyu knigu E. Kalpa o Deléze [A Review of Andrew Culp's New Deleuze Book]" [in Russian]. *Filosofiya. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki [Philosophy. Journal of the Higher School of Economics]* 1 (3), 155–169.

DENIS SHALAGINOV

PHD STUDENT AT THE NATIONAL RESEARCH UNIVERSITY HIGHER SCHOOL OF ECONOMICS, MOSCOW

SUMMA CONTRA CONNEXIONES.

HATRED TOWARD THE WORLD, AND DOUBLE LIFE

A REVIEW OF ANDREW CULP'S NEW DELEUZE BOOK

CULP, A. 2016. *DARK DELEUZE*. MINNEAPOLIS: UNIVERSITY OF MINNESOTA PRESS

REFERENCES

- Barber, D. C. 2016. "The Creation of Non-Being." *Rhizomes: Cultural Studies in Emerging Knowledge* (29).
- Berardi, F. B. 2016. *Novyye geroi: massovyie ubiytsy i samoubiytsy [Heroes: Mass Murder and Suicide]* [in Russian]. Trans. from the English by M. Yu. Diunov. Moskva [Moscow]: Kuchkovo pole.
- Bergson, A. [Bergson, H.] 2015. *Tvorcheskaya evolyutsiya [L'Évolution créatrice]* [in Russian]. Trans. from the French by V. A. Flérova. Moskva [Moscow]: Akademicheskii proyekt.
- Berrouz, U. S. [Burroughs, W. S.] 2010. *Pis'ma Yakhe [The Yage Letters]* [in Russian]. Trans. from the English by A. Kervi. Moskva [Moscow]: AST: Astrel'.
- Bodriyyar, Zh. [Baudrillard, J.] 2011. *Simvolicheskii obmen i smert' [L'échange symbolique et la mort]* [in Russian]. Trans. from the French by S. N. Zenkin. Moskva [Moscow]: Dobrosvet.
- . 2015. *Simulyakry i simulyatsii [Simulacres et simulation]* [in Russian]. Trans. from the French by A. A. Kachalov. Moskva [Moscow]: Postum.
- Culp, A. 2016. *Dark Deleuze*. Minneapolis: University of Minnesota Press.
- "Dark Materialism." 2011. The Programme of the Conference Held at Faculty of Arts and Social Sciences, Kingston University, London. Jan. 12. Accessed July 16, 2017. <http://fass.kingston.ac.uk/downloads/conference-dark-materialism-programme.pdf>.
- Deléz, Zh. [Deleuze, G.] 2001. *Empirizm i sub'yektivnost': opyt o chelovecheskoy prirode po Yumu. Kriticheskaya filosofiya Kanta: ucheniye o sposobnostyakh. Bergsonizm. Spinoza [Empirisme et subjectivité: Essai sur la nature humaine selon Hume. La philosophie critique de Kant: Doctrines des acultés. Le Bergsonisme. Spinoza]* [in Russian]. Trans. from the French by Ya. I. Svirskiy. Moskva [Moscow]: Per S-e.
- . 2004. *Peregovory [Pourparlers]* [in Russian]. Trans. from the French by V. Yu. Bystrov. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: Nauka.
- Dyuv, T. de [Duve, T. de]. 2016. *Nevol'niki Marksa: Boys, Uorkhol, Klyayn, Dyushan [Cousus de fil d'or: Beuys, Warhol, Klein, Duchamp]* [in Russian]. Trans. from the French by A. V. Shestakov. Moskva [Moscow]: Ad Marginem.
- Dzheymsion, F. [Jameson, F.] 2014. *Markszizm i interpretatsiya kul'tury [Marxism and the Interpretation of Culture]* [in Russian]. Trans. from the English by O. Aronson et al. Moskva and Yekaterinburg: Kabinetnyy uchenyy.

- Fisher, M. 2010. *Kapitalisticheskiy realizm [Capitalist Realism]* [in Russian]. Trans. from the English by D. Yu. Kralechkin. Ul'trakul'tura 2.0.
- Garo, I. 2008. "Deleuze, Marx and Revolution: What It Means to 'Remain Marxist'." In *Critical Companion to Contemporary Marxism*, 605–624. Leiden, Boston: Brill.
- Gilen, P. [Gielen, P.] 2015. *Bormotaniye khudozhestvennogo mnozhestva. Global'noye iskusstvo, politika i postfordizm [The Murmuring of the Artistic Multitude: Global Art, Politics and Post-Fordism]* [in Russian]. Trans. from the English by M. L. Tabenkin. Moskva [Moscow]: Ad Marginem.
- Iglton, T. [Eagleton, T.] 2012. *Ideya kul'tury [The Idea of Culture]* [in Russian]. Trans. from the English by I. M. Kushnareva. Moskva [Moscow]: Izd. dom Vysshey shkoly ekonomiki.
- Khardt, M., and A. Negri [Hardt, M., and A. Negri]. 2004. *Imperiya [Empire]* [in Russian]. Trans. from the English by O. Danilin et al. Moskva [Moscow]: Praktis.
- Khardt, M. [Hardt, M.] 2017. "Pazolini nakhodit lyubov' v zone isklyuchennosti [Pasolini Discovers Love Outside]" [in Russian]. In *Novaya molodezh' [La Nuova Gioventu]*, by P. P. Pazolini [P. P. Pasolini], trans. from the English by K. F. Medvedev, 275–282. Moskva [Moscow]: SvobMarksIzd.
- Knyazeva, Ye. N. 2006. "Epistemologicheskiy konstruktivizm [The Epistemological Constructivism]" [in Russian]. *Filosofiya nauki [Philosophy of Science]* (12): 133–152.
- Lambert, G. 2006. *Who's Afraid of Deleuze and Guattari?*. London: Continuum.
- Land, N. 2017. "The Dark Enlightenment." Blog. Accessed July 16. <http://www.thedarkenlightenment.com/the-dark-enlightenment-by-nick-land/>.
- Noys, B. [Noys, B.] 2013. "Retirkulyatsiya negativnosti: teoriya, literatura i neudachi utverzhdeniya [The Recirculation of Negativity: Theory, Literature, and the Failures of Affirmation]" [in Russian], trans. from the English by M. Kulayev and K. Yermoshina. *Stasis*, no. 1: 156–173.
- Noys, B. 2010. *The Persistence of the Negative. A Critique of Contemporary Continental Theory*. Edinburgh: Edinburgh University Press.
- , ed. 2011. *Communization and its Discontents: Contestation, Critique, and Contemporary Struggles*. Wivenhoe, New York, Port Watson: Minor Compositions.
- Palanik, Ch. [Palahniuk, C.] 2016. *Boytsovskiy klub [Fight Club]* [in Russian]. Trans. from the English by I. V. Kormil'tsev. Moskva [Moscow]: AST.
- Patton, P. 2005. "Deleuze and Democratic Politics." In *Radical Democracy: Politics Between Abundance and Lack*, 50–67. Manchester: Manchester University Press.
- Regev, Y. 2016. *Nevozmozhnoye i sovpadeniye: o revolyutsionnoy situatsii v filosofii [The Impossible and the Coincidence: On the Revolutionary Situation in Philosophy]* [in Russian]. Perm': Gile Press.
- Roden, D. 2016. "Dark Posthumanism." Paper presented at the Questioning Aesthetics Symposium, Dublin, May 2016. Accessed July 16, 2017. https://www.researchgate.net/publication/303338511_Dark_Posthumanism.
- Tsukerman, E. [Zuckerman, E.] 2015. *Novyye soyedineniya. Tsifrovyye kosmopolity v kommunikativnoy epokhu [Rewire. Digital Cosmopolitans in the Age of Connection]* [in Russian]. Trans. from the English by D. L. Simanovskiy. Moskva [Moscow]: Ad Marginem.
- Vudard, B. [Woodard, B.] 2016. *Dinamika slizi. Zarozhdeniye, mutatsiya i polzuchest' zhizni [Slime Dynamics. Generation, Mutation, and the Creep of Life]* [in Russian]. Trans. from the English by D. Khamis. Perm': Hyle Press.
- Williams, A., and N. Srnicek. 2014. "#Accelerate: Manifesto for an Accelerationist Politics." In *#Accelerate. The Accelerationist Reader*, 347–362. Urbanomic.